

КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС 1962 ГОДА

А.А.Фурсенко

Самая острая конфронтация между СССР и США за всю историю их отношений произошла в октябре 1962 г., когда разразился Кубинский, или, как его называют, Карибский кризис, поставивший мир у края пропасти — на грань ядерного столкновения. С тех пор прошло более тридцати лет. Но эта тема не утратила своей актуальности.

Многие годы обстоятельства возникновения Кубинского кризиса получали одностороннее освещение в нашей литературе. Замалчивался вопрос, как было принято решение о размещении советских ракет на Кубе. Не было ясности и в том, как произошло урегулирование кризиса. Целые звенья переговоров и имена их участников держались в секрете.

В целом Кубинский кризис на протяжении длительного времени по существу оставался белым пятном в истории советской внешней политики. До недавнего времени ни один из советских участников событий не печатал своих воспоминаний, а работы историков, основанные на американских материалах, наталкивались на непреодолимые препятствия при попытке их опубликования. Положение начало меняться лишь после провозглашения гласности и ослабления цензуры, коснувшихся в конечном итоге даже самых деликатных вопросов внешней политики, которая дольше других сфер партийно-государственной деятельности оставалась закрытой для исследователей. Открытие этой запретной зоны коснулось и истории Кубинского кризиса.

В январе 1988 г. вышел в свет очерк С.А.Микояна о событиях 1962 г., основанный на неопубликованных мемуарах его отца и собственных воспоминаниях¹. В ноябре того же года в журнале "Эхо планеты" появились воспоминания бывшего посла на Кубе А.И.Алексеева, впервые поведавшего о том, как принималось решение о размещении советских ракет на Кубе. В начале 1989 г. журнал "Новое время" поместил рассказ бывшего советника посольства СССР в Вашингтоне Г.Н.Большакова о том, как через него осуществлялась секретная связь (обмен устными посланиями) между Н.С.Хрущевым и президентом Кеннеди². К сожалению, неофициально изданные в 1970 г. и 1974 г. мемуары Н.С.Хрущева, аутентичность которых никем не оспаривается, до сих пор полностью у нас не изданы, а раздел, посвященный Карибскому кризису, опубликован совсем недавно журналом "Вопросы истории" под редакцией его сына С. Н. Хрущева³.

¹ Микоян С.А. Карибский кризис, каким он видится на расстоянии // Латинская Америка. 1988. № 1. С. 67–80, 143–144.

² Алексеев А.И. Карибский кризис: Как это было // Эхо планеты. 1988. Ноябрь. № 33; Большаков Г.Н. Горячая линия: Как действовал секретный канал связи Джона Кеннеди — Никита Хрущев / Новое время. 1989. 20 янв. № 4; 27 янв. № 5; 3 февр. № 6.

³ Khrushchev Remembers / Ed. by E. Crankshaw. Bodton; Toronto, 1970. P. 488–506; Khrushchev Remembers: The Last Testament / Ed. by St. Talbott. Boston, 1974. P. 509–514. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Карибский кризис // Вopr. истории. 1933. № 7. С. 89–100.

Исключительно важным источником новых знаний по истории Карибского кризиса стали совместные симпозиумы политических деятелей и ученых, проходившие в США в 1987 г. и в СССР в 1989 г. Особое значение имела последняя встреча в Москве 27–28 января 1989 г., на которую собрались многие и ныне здравствующие высшие представители США, бывшего СССР и Кубы, непосредственно участвовавшие в урегулировании Карибского кризиса, в том числе бывший министр иностранных дел А.А.Громыко, послы в Вашингтоне и Гаване А.Ф.Добрынин и А.И.Алексеев; советник президента Джона Кеннеди Т.Соренсен, бывший министр обороны Р.Макнамара, помощник президента по вопросам национальной безопасности Дж.Макджордж Банди, заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США У.Смит, заведующий отделом госдепартамента США Р.Гартхов, пресс-секретарь Белого дома П.Селинджер и др.; от кубинской стороны — член политбюро компартии Кубы Хорхе Рискет, тогдашний начальник кубинского генштаба Рафаэль Эрнандес, члены руководства — С.Валье, Э.Арагонес и др. Кроме уже названных лиц, в советскую делегацию входили Ф.М.Бурлацкий, тогдашний сотрудник аппарата ЦК КПСС; сын Н.С.Хрущева Сергей Никитич, специалист по ракетостроению; сын А.М.Микояна Сергей Анастасович — историк-латиноамериканист, участвовавший вместе с отцом в переговорах с Фиделем Кастро; Е.М.Примаков, Г.А.Арбатов, Г.Х.Шахназаров и др. Я тоже был членом делегации.

Хочу особо подчеркнуть присутствие на симпозиуме двух бывших сотрудников посольства в Вашингтоне Г.Н.Большакова и А.С.Фомина. Их имена давно известны на Западе, на родине же они, к сожалению, были практически легализованы впервые. Я неоднократно призывал ввести их имена в нашу литературу, в частности на совещании историков и литераторов в апреле 1988 г. в Москве⁴. Особенно важным было пригласить на симпозиум Г.Н.Большакова.

На симпозиуме в Москве в январе 1989 г. бывший министр обороны Макнамара заявил, что правительство Кеннеди не собиралось воевать против Кубы. В то же время, признал он, средства массовой информации и алармистские выступления в конгрессе давали повод как кубинской, так и советской стороне считать, что США готовят вторжение. Макнамара признал, что у Пентагона был план военных действий против Кубы, но правительство рассматривало его как технический документ на случай непредвиденных обстоятельств, а не реальный план военных операций. Тогда в Москве американская сторона обнародовала ранее засекреченный “План Мангуста”, который предусматривал свержение правительства Ф.Кастро в октябре 1962 г. путем оказания военной помощи кубинской оппозиции. Об этом плане знал лишь узкий круг лиц из администрации Кеннеди, всего 12 человек включая самого президента. Хотя Макнамара и отрицал намерение США напасть на Кубу, из текста “Плана Мангуста”, датированного 20 февраля 1962 г., видно, что его автор бригадный генерал Э. Лэнсдейл настаивал на необходимости

⁴ Вопр. истории. 1988. № 6; см. также: *Blight J.G., Welch D.A. On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis*. N.Y., 1989.

"открытого использования вооруженных сил США". 14 марта последовало разъяснение, из которого вытекало, что США "предпримут максимум усилий, чтобы использовать местные (т.е. кубинские — А.Ф.) ресурсы, внутренние и внешние", сознавая, однако, что "окончательный успех потребует решительной военной интервенции США"⁵. Трудно предположить, чтобы этот документ не был известен президенту, хотя я и не располагаю данными о том, что он его одобрил.

Решение послать ракеты на Кубу было принято лично Н.С.Хрущевым. К обсуждению этого вопроса привлекался очень узкий круг лиц, хотя в воспоминаниях Хрущев утверждает, что решение принималось коллегиально⁶. На деле, однако, эта коллегиальность была такой же, как при Сталине, когда все важнейшие внешнеполитические акции предпринимались по инициативе главного лица. По-видимому, толчком к решению послужили беседы Хрущева с ближайшим из его соратников А.И.Микояном, который еще в 1959 г. побывал на Кубе, познакомился с Фиделем и Раулем Кастро, Эрнесто Че Геварой, другими руководителями кубинской революции и проникся глубокой симпатией к их борьбе за независимость. На Кубе побывали также дочь Хрущева — Рада и ее муж А.И.Аджубей, их рассказы, несомненно, прибавили эмоций, вызванных беседами с Микояном. У Хрущева появилось острое желание оказать Кубе поддержку. После провала авантюры ЦРУ в заливе Кочинос он был убежден, что США вновь попытаются вторгнуться на Кубу и на этот раз с гарантией на успех. Советский Союз уже начал посылать кубинцам оружие и военных инструкторов, обучавших, как им пользоваться. Но Хрущев пришел к выводу, что обычными вооружениями обеспечить оборону Кубы невозможно и только ядерные ракеты могут стать надежным средством сдерживания.

В конце апреля 1962 г. он поделился этой мыслью с А.И.Микояном. Мой отец, отмечает С.А.Микоян, был против этой идеи. Он считал, что американцы непременно о ней узнают и всеми мерами станут препятствовать размещению советского ядерного оружия вблизи своей территории. Кроме того, А.И.Микоян полагал, что план этот не примет Фидель Кастро, он не станет рисковать, опасаясь спровоцировать американское вторжение⁷. Отправившись затем на отдых в Болгарию, Хрущев поинтересовался, что думает по этому поводу находившийся там вместе с ним министр обороны Р.Я.Малиновский. Маршал ответил, что американские ракеты находятся на другом берегу Черного моря в Турции и могут достигнуть жизненно важных центров Советского Союза всего за 10 минут, в то время как нашим ракетам нужно 25 минут, чтобы долететь до американской территории. Этот разговор еще более укрепил Хрущева в том, что следует действовать⁸.

Существует две версии того, как принималось официальное решение

⁵ Эти документы ныне открыты и были мною просмотрены в The National Security Archive. Washington.

⁶ Khrushchev Remembers / Ed. by E.Crankshaw. P. 494–495.

⁷ Микоян С.А. Указ. соч. С. 70–71; Blight J.G., Welch D.A. Op. cit. P. 238–239.

⁸ Микоян С.А. Указ. соч. С. 70–71; Khrushchev Remembers / Ed. by E.Crankshaw. P. 493.

по этому вопросу. Они не противоречат друг другу, скорее наоборот, обе позволяют полнее представить картину, хотя и не во всем стыкуются. Одна принадлежит сыну А.И.Микояна Серго Анастасовичу, который на основании воспоминаний отца рассказывает, что для дальнейшей проработки вопроса Хрущев созвал совещание, на которое кроме двух наиболее близких ему членов Политбюро (тогда — Президиума ЦК КПСС) А.И.Микояна и Ф.Р.Козлова пригласил А.А.Громыко, а также двух военных — Р.Я.Малиновского и только что назначенного главнокомандующим ракетными войсками маршала С.С.Бирюзова. Хрущев спросил Малиновского, сколько времени потребовалось бы Советским Вооруженным Силам, чтобы захватить остров, расположенный в полуторастах километрах от нашей территории, даже в случае отчаянного сопротивления его защитников. “Три-пять дней, не более недели”, — ответил Малиновский. Развивая свою идею, Хрущев отметил, что в случае нападения США на Кубу мы не успеем оказать ей помощь, если не разместим на острове советские ракеты. “Маршалы не возражали, а, наоборот, проявили интерес к идее установки ракет как сдерживающей мере, — отмечает С.А.Микоян. — Дополнили тем, что это вообще поможет хоть как-то компенсировать ущербное положение нашей страны в смысле ядерного противостояния США и странам НАТО в целом”. Возражал только А.И.Микоян по уже названным ранее мотивам, настаивая, в частности, на том, что операция столь крупного масштаба, как доставка и установка ядерных ракет на Кубе, не может быть произведена скрыто. Последнее слово оставалось за военными. Но с Малиновским, по-видимому, все было заранее оговорено. А маршал Бирюзов, которого Микоян считал весьма недалеким человеком, заявил, что, по его мнению, стратегические ракеты можно будет укрыть в “пальмовых лесах”⁹

По другой версии, принадлежащей генералу армии С.П.Иванову, возглавлявшему в то время Главное управление Генштаба Вооруженных Сил СССР, этот вопрос обсуждался на заседании Совета обороны, где присутствовали члены Политбюро, секретари ЦК и руководство Министерства обороны. “Дебаты продолжались долго” — вспоминает генерал Иванов и тоже отмечает, что “А.И.Микоян возражал против переброски на Кубу наших ракет и войск”. Но, поскольку “все же большинство поддержало идею Н.С.Хрущева”, было принято постановление поручить Совмину, Министерству обороны и Министерству морского флота “организовать скрытую перевозку войск и боевой техники на Кубу на судах”. Объявив после заседания перерыв, Хрущев поручил генералу Иванову, бывшему еще и секретарем Совета обороны, оформить протокол и собрать подписи присутствовавших. Оказалось, однако, что все члены Политбюро подписали сразу, а с секретарями ЦК “произошла заминка” — они заявили, что “не компетентны решать этот вопрос”. Когда Иванов сообщил об этом Хрущеву, тот, по его словам, “удивился”, но сказал: “Ничего, сейчас подпишут”. И в самом деле, после беседы с Хрущевым подписали, что

⁹ Запись беседы А. И. Микояна с Ф. Кастро, Э. Че Геварой, Э. Арагонесом и К. Родригесом 4 ноября 1962 года // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 104. Оп. 17. Д. 22. П. 11а. Л. 178. (Далее : АВПРФ).

позволило принять решение “единогласно”¹⁰. После чего оставалось выяснить, как к нему отнесется кубинское руководство.

Из Гаваны в Москву срочно вызвали советника и резидента советской разведки на Кубе А.И.Алексеева. По совету А.И.Микояна было решено назначить Алексеева послом вместо С.И.Кудрявцева, который не пользовался авторитетом у кубинского руководства. М.Бэшлосс полагает, что это назначение, подобно назначению Г.Н.Большакова в Вашингтон, было продиктовано стремлением Хрущева обновить дипломатический аппарат, выдвинув на ключевые посты своих людей, не связанных с Министерством иностранных дел. К этому времени Алексеев, он же Шитов, как это теперь известно не только нам, но и американцам, уже проработал на Кубе длительное время¹¹. Он был послан туда еще до восстановления дипломатических отношений между Гаваной и Москвой, работая там с октября 1959 г. корреспондентом ТАСС, а после открытия посольства на Кубе перешел на дипломатическую службу в ранге советника. Алексеев установил хорошие личные отношения с Фиделем и Раулем Кастро, Э. Че Геварой и другими кубинскими лидерами.

По прибытии в Москву Алексеев был принят Хрущевым в Кремле, который сообщил ему о назначении, а затем в ходе продолжавшейся более часа беседы расспрашивал о проблемах Кубы и ее руководителях, не раз за это время снимая трубку телефона, чтобы поручить Ф.Р.Козлову разобраться в том или ином вопросе. Хрущев подчеркнул, что правительство сделает все возможное, чтобы помочь Кубе отстоять свою независимость, не упомянув, однако, о плане размещения ракет. Об этом Алексеев узнал через несколько дней, когда его снова пригласили в Кремль. На этот раз в кабинете Хрущева находились А.И.Микоян, Ф.Р.Козлов, А.А.Громыко, Р.Я.Малиновский, С.С.Бирюзов, Ш.Р.Рашидов. Снова состоялся обмен мнениями, в ходе которого “вдруг прозвучал вопрос, — вспоминает А.И.Алексеев, — неожиданность которого повергла меня в оцепенение: Хрущев спросил, как, по-моему, прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе наши ракеты”. С трудом преодолев замешательство, Алексеев сказал, что Кастро вряд ли пойдет на это, ибо Куба строит свою стратегию на самообороне — боеготовности своего народа, а также на солидарности мирового общественного мнения с кубинской революцией. В случае отказа Кастро от установки ракет Хрущев выразил готовность поддержать его любыми другими средствами, хотя их, по его мнению, может оказаться недостаточно, чтобы отразить подготавливаемое вооруженными силами США вторжение на Кубу. Хрущев заявил, что располагает на этот счет “достоверными данными”¹². Видимо, речь шла о “Плане Мангуста”. Выступая на симпозиуме 1989 г. в Москве, Х.Рискет сказал, что кубинскому руководству тогда уже было известно о существовании этого плана от собственной разведки, а также из сообщений советского правительства. На том же симпозиуме директор Архива национальной безопасности США С.Армстронг высказал предположение, что “если

¹⁰ Иванов С.П. Операция “Анадырь” // Ветеран. 1989. 7–13 авг. № 32.

¹¹ Beschloss M.R. The Crises Years: Kennedy and Khrushchev 1960–1963. N.Y., 1991. P. 96, 157.

¹² Алексеев А.И. Указ. соч.

Советы знали, что свержение Кастро намечено на октябрь, то это может объяснить, почему они так спешили что-то сделать к этому времени”.

В середине мая для переговоров с Фиделем Кастро на Кубу была послана делегация в составе Рашидова, Бирюзова и Алексеева. Перед отъездом на даче Хрущева в Горках они встретились со всеми членами Политбюро, находившимися в то время в Москве. Алексеев вспоминает, что на этом заседании “царило полное единодушие”, как бы опровергая этим распространившуюся (после снятия Хрущева в 1964 г.) на Западе версию о том, что план установления ракет на Кубе вызвал разногласия в советском руководстве. Однако “единодушие”; царившее на встрече в Горках, — едва ли достаточный аргумент против этой версии. Хрущев позднее вспоминал, что вопрос о размещении ядерного оружия на Кубе, как и последующие решения периода Кубинского кризиса, обсуждались коллегиально, демократическим путем, хотя, чтобы преодолеть разногласия, пришлось провести три заседания Политбюро. Это утверждение вовсе не служит доказательством того, что механизм принятия решений был демократическим — коллегиальное “единодушие” часто достигалось путем приказа и давления.

В первый же день по прибытии на Кубу советской делегации Алексеев посетил Рауля Кастро и сообщил ему, что член делегации “инженер Петров” — это главнокомандующий ракетными войсками С.С.Бирюзов. В тот же вечер делегация была принята Фиделем Кастро. Выслушав информацию об угрозе вооруженного вторжения США на Кубу, он заявил, что кубинское руководство аналогично оценивает ситуацию.

На следующий день во время встречи советской делегации с Фиделем и Раулем Кастро, Э.Че Геварой, Освальдо Дортикосом и Рамиро Вальдесом предложение о размещении ракет было ими полностью принято. Для выработки практического соглашения в июне в Москву направился Рауль Кастро. Переговоры велись в строжайшей тайне. Круг участвовавших в них лиц был предельно ограничен, чтобы избежать какой бы то ни было утечки информации, во время встреч с Хрущевым, Малиновским и Бирюзовым переводчиком служил Алексеев. Он же вместе с Раулем Кастро переводил на испанский язык текст выработанного соглашения. Для подготовки же технических условий соглашения было привлечено всего два-три генерала.

В итоге было решено, что ракеты будут находиться в ведении советского командования и обслуживаться советским персоналом. Соглашение парафировали Р.Я.Малиновский и Рауль Кастро. Фидель Кастро внес в него кое-какие поправки, с текстом которых в конце августа в Москву прибыл Э.Че Гевара. Но, как заметил Алексеев; “из-за осложнившейся обстановки” руководители СССР и Кубы документ этот так и не подписали¹³. В целях сохранения тайны никакой дипломатической перепiski по этому поводу не велось, пользоваться шифром и радио было запрещено.

Практически же соглашение состоялось, и с советской стороны оно

¹³ Там же.

было утверждено соответствующим решением летом. К этому времени уже началась подготовка к отправке ракет и персонала на Кубу. Генерал С.П.Иванов рассказывает, что 10–11 июня на совещании в Кремле под председательством тогдашнего заместителя главы Совмина А.Н.Косыгина, при участии члена Политбюро Л.И.Брежнева и министра обороны Р.Я.Малиновского и генералов С.П.Иванова, А.И.Грибкова, М.И.Поваляя и начальника Главфлота Е.В.Карамзина обсуждалась реализация постановления Совета обороны. Операции дали кодовое название “Анадырь”, подсчитав, что для доставки на Кубу ракет и личного состава военнослужащих потребуется 120 рейсов крупнотоннажных судов и около четырех месяцев. Срок начала транспортировки был назначен на 12 июля, когда первое судно “Хабаровск” отправилось в плавание (последнее — 22 октября). Никто из членов экипажа, включая капитана, не знал о конечном пункте назначения до выхода в открытое море. В целях соблюдения тайны воинские контингенты, направлявшиеся в порты погрузки для последующей отправки на Кубу, прибывали с полным обмундированием, включая шубы, шапки, валенки, лыжи и т.п.¹⁴. При погрузке соблюдалась строжайшая конспирация. Воинские части переодевались еще в порту отправления в штатское. Для погрузки было выбрано несколько портов, в том числе не приспособленных для захода крупных океанских судов, но более скрытых от людских глаз. Например, приписанный к Одесскому порту сухогруз “Ленинский комсомол”, был срочно переоборудован в десантное судно. Было закрашено название судна, опознавательные знаки на надстройках и спасательных средствах. Команде на неопределенный срок запретили переписку с родными и близкими. 23 августа судно вышло из Одессы и в тот же день гигантский сухогруз длиной в 122 м пришвартовался к небольшому курортному причалу Феодосии. Поступил приказ грузить сельскохозяйственную технику, но ночью подошли составы с ракетами. К утру погрузка была закончена и судно отправилось в дальний рейс¹⁵.

В августе-сентябре перевозки стали особенно интенсивными, на что обратила внимание американская разведка. Причем впервые сведения об этом она получила от западногерманской службы^{15а}. Хотя перемещение прибывших на Кубу грузов производилось по ночам и только советским персоналом, родственники бежавших с Кубы эмигрантов начали получать письма, в которых сообщалось о завозе странного вида вооружения. “Скрыть факт движения по дорогам даже надежно закамуфлированных 30-метровых ракет было очень трудно”, — отмечает Алексеев¹⁶.

Договорившись о размещении ракет, советская сторона рассчитывала, что шаг этот поможет изменить соотношение сил между

¹⁴ Иванов С.П. Указ. соч.; Микоян С.А. Указ. соч. С. 71.

¹⁵ Бондарев А. Груз секретен: на борту ракеты // Час пик. 1991. 13 мая. № 19.

^{15а} Запись беседы А. И. Микояна с Ф. Кастро, О. Дортикосом, Р. Кастро, Э. Че Геварой, Э. Арагонесом, К. Родригесом 4 ноября 1962 года // АВПРФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 22. П. 11а. Л. 179.

¹⁶ Алексеев А.И. Указ. соч.

социализмом и капитализмом в мировом масштабе. Эта тема активно обсуждалась на симпозиуме в 1989 г. в Москве: так или иначе все его участники пришли к выводу, что в условиях значительного преимущества США в ядерных вооружениях план СССР послать ракеты на Кубу предусматривал изменить стратегический баланс. США располагали тогда 5000 ядерных боеголовок, в то время как у СССР их было всего 300, т.е. в 17 раз меньше. По данным американской разведки, СССР располагал тогда 75 межконтинентальными баллистическими ракетами, хотя на самом деле, как об этом говорилось на симпозиуме, их было всего 20. Поэтому размещением запланированных 42 ракет среднего радиуса действия под боком у США на Кубе СССР существенно изменил бы соотношение сил.

Судя по публичным выступлениям того времени, Хрущев постоянно возвращался к мысли о том, что Советский Союз окружен американскими военными базами вблизи наших границ. Причем в разговорах с соратниками, а позднее в воспоминаниях Хрущев подчеркивал, что, размещая ракеты вокруг СССР, правительство США не ставило нас об этом в известность. Почему же, говорил он, мы должны информировать американцев о посылке ракет на Кубу. Вопрос этот не был риторическим.

Кубинское руководство предлагало после окончательного подписания соглашения его обнародовать. “СССР и Куба, — говорили кубинские представители, — суверенные государства, они имеют полное право заключить между собой подобное соглашение”. Чтобы избежать обвинений в тайном сговоре, Че Гевара по прибытии в августе 1962 г. в Москву предложил объявить о советско-кубинском договоре. Но его убедили, что это следует сделать позже, когда ракеты уже будут размещены. Хрущев настаивал на том, что доставка ракет должна быть осуществлена либо тайно, либо она не состоится вообще. Он собирался сам проинформировать президента Кеннеди и с этой целью готовился к поездке в Нью-Йорк во второй половине ноября, после промежуточных выборов в США, приурочив визит к участию в очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН. В такого рода процедуре ничего не было дурного, если бы официальные советские заявления и послания по конфиденциальным каналам не были заведомо ложными, введившими в заблуждение правительство США.

Колоссальный поток поставок Кубе, куда за сравнительно короткий срок прибыли десятки советских и зафрахтованных у других стран судов, вызывал все более серьезные подозрения в США. В июле на Кубу прибыли 30 судов с грузами из СССР, в августе — 55, столько же — в сентябре и 10 — в октябре. В числе доставленных грузов американская разведка обнаружила ракетные комплексы “земля-воздух”. В этой связи у директора ЦРУ Маккоуна еще в августе зародились “подозрения”. В самом начале сентября во время утренней прогулки по Парижу с помощником президента по вопросам национальной безопасности Макджорджем Банди, где они случайно оказались вместе Маккоун поделился своими опасениями, подчеркнув, что его предположения основываются на личном анализе, а не на сведениях ЦРУ. “Он считал, —

пишет Банди, — что объем материалов, направляемых на Кубу, слишком велик и дорог, особенно ракеты “земля-воздух”, чтобы это можно было объяснить чем-то менее амбициозным, нежели попыткой установить ядерное оружие. Маккоун настаивал на необходимости вести постоянное наблюдение за положением на Кубе”¹⁷

Во время московского симпозиума Банди поинтересовался, какую роль в информации о советских ракетах на Кубе сыграл О.Пеньковский, завербованный американской и британской секретными службами. Советские органы госбезопасности обнаружили утечку информации, напали на след Пеньковского, вели за ним наблюдение, а 22 октября 1962 г., в тот день, когда разразился Кубинский кризис, его арестовали. Банди отрицал, что Пеньковский информировал США о размещении советских ракет на Кубе. Отрицает это и присутствовавший на симпозиуме Раймонд Гартхов: хотя Пеньковский “передал огромный объем важной информации, он не знал о ракетах на Кубе и потому ничего не мог о них сообщить”¹⁸ Американский журналист Томас Пауэрс — биограф Ричарда Хелмса, тогдашнего заместителя директора ЦРУ, — а также авторы книги, посвященной Пеньковскому, Дж. Шехтер и П. Дерябин отмечают, что Пеньковский был “самым лучшим из когда-либо завербованных в России агентов ЦРУ”, он снабдил американскую разведку подробными данными о мощности и параметрах действия различных советских ракет, в том числе и тех, которые были доставлены на Кубу, что “оказалось исключительно важным” при последующем анализе их военного потенциала в условиях Кубинского кризиса¹⁹. ЦРУ гордилось тем, что смогло завербовать Пеньковского, но относилось к нему с известной долей скепсиса, в частности из-за свойственных ему чванства и спесивости. Пеньковскому, например, нравилось щеголять (в пределах служебных помещений) в форме полковника британской или американской разведок во время его пребывания в Англии или США. Пеньковский кичился своим положением, требуя от руководителей британской и американской разведслужб, чтобы они представили его соответственно королеве Елизавете II и президенту Кеннеди. Это тщеславие записывалось ему в минус. 25 лет спустя после провала Пеньковского Гартхов рассказывал, что во время ареста тот успел подать условленный в случае чрезвычайных обстоятельств телефонный сигнал. Однако вместо сообщения о провале Пеньковский просигнализировал, что СССР готовит нападение на США. Нетрудно представить, как эта информация могла повлиять на развитие обстановки в условиях Кубинского кризиса, если бы была признана достоверной. Но Маккоун, доложив о провале Пеньковского, решил о телефонном сигнале не сообщать, ибо счел его провокационным²⁰

Между тем опасения, которыми поделился Маккоун с Банди, были приняты к сведению. В конце августа во время ланча с послом

¹⁷ *McGeorge Bundy. Danger and Survival. N.Y. 1988. P. 419.*

¹⁸ *Garthoff R.L. Reflection on the Cuban Missile Crisis. Wash., 1987. P. 39.*

¹⁹ *Powers Th. The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA. N.Y., 1979. P. 127, 422, 457; Schecter J., Deriabin P. The Spies Who Saved the World. N. Y., 1992.*

²⁰ *Garthoff R.L. Op. cit. P. 40.*

А.Ф.Добрыниным советник Кеннеди Т.Соренсен обратился от имени президента к правительству СССР с просьбой не подвергать США испытаниям в условиях надвигавшейся предвыборной кампании. Через несколько дней, 4 сентября, Добрынин сообщил Роберту Кеннеди, что уполномочен заверить президента, что “на Кубе не будут развертываться ракеты “земля-земля” или другое наступательное оружие”. “Председатель (Совета Министров — А.Ф.) Хрущев любит Кеннеди и не хочет причинять ему вред”, — заключил Добрынин. Р.Кеннеди ответил, что считает “странным” способ, которым Хрущев решил продемонстрировать свое “расположение” к президенту, сославшись на растущий поток военных грузов на Кубу²¹

Два дня спустя, 6 сентября, советский посол пригласил Т.Соренсена и вновь заверил его, что Хрущев не намерен вмешиваться во внутренние дела США. “Ничего не будет предпринято до выборов в конгресс такого, — гласил ответ Хрущева, — что могло бы осложнить международное положение или обострить отношения между двумя нашими странами”. Соренсен квалифицировал этот ответ как “пустой и запоздалый”, ибо доставка на Кубу ракет и персонала “уже привела к обострению международной обстановки и вызвала беспорядок во внутренних политических делах США”. Согласно записи этой беседы, сделанной Соренсеном сразу после ее окончания, Добрынин сказал ему, что советское правительство не предприняло “ничего нового или экстраординарного”. “Все эти шаги носят оборонительный характер и не представляют никакой угрозы безопасности США,” — заключил посол²².

Проблема эта чрезвычайно беспокоила Белый дом. За несколько дней до встречи с Добрыниным Роберт Кеннеди пригласил на “прощальную встречу” Г.Большакова в связи с его предстоящим отъездом в отпуск в Москву. Вечером 31 августа Большаков прибыл в резиденцию министра юстиции, затем они вместе поехали в Белый дом, где его ждал президент, чтобы передать с ним личное послание Хрущеву. “Наш посол в Москве Лоуэллин Томпсон информировал меня, — сказал президент, что Хрущев обеспокоен облетами нашими самолетами советских судов, направляющихся на Кубу. Передай ему, что сегодня я отдал распоряжение о прекращении этих облетов”. Далее Кеннеди выразил надежду на улучшение советско-американских отношений в ближайшем будущем и на новую встречу с Хрущевым. Провожая Большакова после беседы, Роберт Кеннеди резко заметил ему: “Неужели премьер Хрущев не понимает положения президента! Неужели премьеру не известно, что у президента не только много друзей, но и не меньше врагов... Ведь “они” в порыве слепой ненависти могут пойти на все...” По словам Большакова, никогда ранее Роберт не был с ним столь откровенным и искренним²³

Прилетев в Москву, Большаков узнал, что Хрущев находится на отдыхе в Пицунде. Его пригласили туда через несколько дней. Между ним

²¹ *Kennedy P.* 13 дней: Свидетельство о Кубинском кризисе. Париж. 1969. С. 11.

²² *Sorensen Th. Kennedy.* N.Y., 1965. P. 752–753.

²³ *Большаков Г.Н.* Указ. соч. // Новое время. № 5.

и Хрущевым состоялся длинный разговор, во время которого Хрущев подробно расспрашивал о Кеннеди и его окружении, о настроениях этих людей. Затем к их беседе присоединился А.И.Микоян. Речь пошла главным образом о Кубе. Хрущев спросил, решатся ли Соединенные Штаты на вооруженную конфронтацию с Кубой. Большаков ответил утвердительно, подчеркнув, что Кеннеди находится под большим давлением ультраправых, жаждущих реванша за провал авантюры в заливе Кочинос. “Он и сам не прочь взять реванш, — испытующе взглянув на меня из-под шляпы, вставил Никита Сергеевич. — Да руки коротки. Куба не та. Щекочет им брюшко”, — вспоминает Большаков. Он сказал Хрущеву, что президент будет искать разумный компромисс, передав, однако, свой последний разговор с Робертом о том, что на президента оказывается сильное давление и с этим следует считаться. “Прибедняются, — заметил Хрущев. — Президент он или не президент? Если сильный президент, то ему некого бояться. Вся власть в его руках, да еще брат — министр юстиции”. Подводя итоги беседы, Хрущев уже в спокойном тоне просил передать, что положительно оценивает шаги президента, направленные на нормализацию советско-американских отношений и уменьшение международной напряженности, подчеркнув: “нам в Москве нужно знать все, особенно сейчас”.

Возвратившись в Вашингтон 3 октября, Большаков неожиданно для себя встретил равнодушный и даже холодный прием. Выслушав устное послание Хрущева, Роберт Кеннеди просил повторить лишь ту его часть, где говорилось, что СССР направляет на Кубу “оружие только оборонительного характера”. Он записал эти слова под диктовку Большакова. На следующий день Большакову позвонил близкий друг президента журналист Чарлз Бартлетт, с которым у него сложились неплохие отношения; они встретились в ресторане недалеко от Белого дома, и Бартлетт попросил снова продиктовать послание Хрущева, выразив озабоченность по поводу событий вокруг Кубы. Как показалось Большакову, в Вашингтоне ждали еще какого-то важного сообщения из Москвы. Казалось бы, такой внимательный наблюдатель, как он, должен был догадаться, что братьев Кеннеди интересовал один вопрос — собирается ли Советский Союз размещать на Кубе ракеты с ядерными боеголовками? Но Большаков утверждает, что ему это в голову не приходило²⁴.

Нет оснований подвергать его признание сомнениям, хотя эта тема уже открыто обсуждалась в конгрессе и средствами массовой информации. В начале избирательной кампании представители республиканской партии заявляли, что не хотят критиковать политику Кеннеди в отношении Кубы, чтобы не превращать ее в объект предвыборных споров. Но за месяц с небольшим до выборов эта точка зрения была пересмотрена. Куба — это “самый крупный козырь в руках республиканской партии”. Такое решение принял “кокус” — партийное собрание конгрессменов-республиканцев — в конце сентября. Несколько дней спустя сенатор К.Китинг, ярый антикоммунист и сторонник агрессивной политики, выступил с резкими нападками на правительство, заявив, что

²⁴ Там же.

располагает абсолютно достоверными данными о том, что на Кубе находятся советские ракеты с ядерными боеголовками. Известный консервативными взглядами издатель журнала "Лайф" Г. Люс писал в те дни: "От решения вопроса, предпринимать или не предпринимать интервенцию против Кубы, зависит не только престиж Америки, но и выживет ли она вообще"²⁵.

Впоследствии, когда заявления Китинга подтвердились, его не раз спрашивали, откуда он получил эти сведения, в то время как представители администрации ими не располагали. Китинг ссылаясь на информацию компетентной службы, не раскрывая, однако, своего источника²⁶. О том же спрашивали директора ЦРУ Д.Маккоуна: как Китингу удалось добыть информацию, которой ЦРУ не располагало? Просто у него была ирландская интуиция, — отвечал Маккоун. — Никакой информацией он не располагал. Я обращался к нему много раз. Я дважды пытался выяснить, каковы его источники. Он их не раскрыл... Я думаю, что Китинг просто кричал: "Волки!". Мне это все было очень неприятно, так как будучи республиканцем... я служил в администрации демократов. Китинг тоже был республиканцем²⁷.

Сложилась довольно парадоксальная ситуация. Президент и глава военного ведомства, не имея достоверных сведений и полагаясь на конфиденциальные заверения советских представителей и официальные заявления СССР, отвергали наскоки республиканцев, уверявших, что они твердо знают о доставке советских ракет на Кубу. Однако она сразу изменилась после того, как 14 октября с самолета-разведчика У-2, летавшего над Кубой, были получены снимки, дешифровка которых обнаружила явные признаки строительства на острове стартовых комплексов для ракет "земля-земля". Ранее, в конце сентября — начале октября, разведка распознала лишь ракетные противозенитные комплексы.

Когда вечером 15 октября об этом сообщили помощнику президента по вопросам национальной безопасности Макджорджу Банди, он решил дожидаться утра, чтобы дать Кеннеди спокойно выспаться. Банди нарушил уединение президента рано утром и сообщил о результатах аэрофотосъемки: на Кубе строятся площадки для ракет, а на взлетных полосах кубинских аэродромов идет сборка бомбардировщиков ИЛ-28. Выслушав, Кеннеди распорядился созвать экстренное секретное совещание. Затем он позвонил Роберту и попросил его приехать.

Открытое Кеннеди 16 октября в 11.45 в Белом доме совещание было названо Исполкомом Совета национальной безопасности, продолжалось оно с небольшими перерывами несколько дней, иногда не только днем, но и ночью. В отсутствие президента председательствовал Роберт Кеннеди. Он был главным действующим лицом. Чтобы не привлекать внимания репортеров, заседания проводились в разных местах: в самом Белом доме, в расположенных по соседству с ним особняках и госдепартаменте.

Среди приглашенных находились вице-президент Л.Б.Джонсон,

²⁵ Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978. P. 506.

²⁶ Hillsman R. To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. N.Y., 1964. P. 177-178.

²⁷ A Conversation with John A. McCone. Interviewed by Harry Kreisler. Berkley, 1982. P. 30.

министр обороны Р.Макнамара, государственный секретарь Д.Раск, министр финансов Д.Диллон, директор ЦРУ Дж. Маккоун, председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Дж. Тейлор, заместитель министра обороны Р.Гилпатрик и помощник министра П.Нитце, заместитель государственного секретаря Дж.Болл и помощник госсекретаря Э.Мартин, заместитель директора ЦРУ М.Картер, представитель США в ООН Э.Стивенсон, ответственный сотрудник госдепартамента А.Джонсон, эксперты по отношениям с Советским Союзом послы Ч.Болен и Л.Томпсон, советник президента Т.Соренсен и М.Банди, а также бывшие — госсекретарь Д.Ачесон, министр обороны Р.Ловетт и верховный комиссар США в Германии Дж.Макклой. По мере надобности на заседания приглашались другие лица.

Совещание началось под знаком откровенно алармистских настроений. Тон задавали военные и представители разведки, призывавшие подвергнуть Кубу массовой бомбардировке с воздуха и интервенции. Слушая их выступления, Роберт Кеннеди передал записку Соренсену: “Теперь я понимаю, какие чувства владели Того (японским адмиралом. — А.Ф.), когда обсуждался план нападения на Пёрл-Харбор”²⁸. Банди, Тэйлора, Ачесона решительно поддерживали Маккоун и Диллон. Президент склонялся к той же точке зрения. “Я был немного напуган, — вспоминал Стивенсон, — тем, что вначале Кеннеди считал, что следует прибегнуть к воздушной бомбардировке”²⁹.

17 октября заседали без президента, который уехал на день в штат Коннектикут для выступления перед избирателями. Кеннеди следовал ранее составленному расписанию предвыборной кампании, чтобы не вызвать подозрения корреспондентов. К тому времени были получены новые снимки кубинской территории. Они свидетельствовали о быстром продвижении работ по сооружению ракетных установок. Это давало козырь в руки сторонников военного нападения на Кубу. Большинство Исполкома высказывалось за массированную воздушную бомбардировку как самое надежное “хирургическое средство” Макнамара выразил сомнение: в результате бомбежки могут быть убиты находящиеся на Кубе советские специалисты, тогда неизбежна война с СССР.

“Вы сидите в хорошей калоше”, — заявил президенту приглашенный для участия в заседании Исполкома генерал Шауп. “Вы тоже там вместе со мной”, — парировал Кеннеди. Начальник штаба ВВС генерал К.Лимей требовал воздушного налета на Кубу. Кеннеди спросил его, как, по мнению генерала, будет реагировать Советский Союз. “Никак”, — ответил он. Кеннеди выразил сомнение. В ходе последующих дебатов военные усилили нажим с целью добиться постановления Исполкома о нанесении воздушного удара по Кубе. “Сейчас или никогда”, — заявил генерал Тэйлор. Эту точку зрения, однако, не разделял Макнамара, предложив объявить Кубе морскую блокаду. Он считал, что на первой стадии она, по крайней мере, не повлечет за собой, вооруженного

²⁸ Кеннеди Р. Указ. соч. с. 16; Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 507.

²⁹ Schlesinger A.M., jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965. P. 807–808.

столкновения и человеческих жертв. Этот план был решительно поддержан Робертом Кеннеди, присоединилось к нему и большинство Исполкома, когда стало ясно, что такая позиция обеспечит поддержку президента.

В результате бомбардировки, говорил Роберт, погибнут многие тысячи людей. Это напоминало бы вероломное нападение на Пёрл-Харбор и противоречило бы “американским традициям”. Министр юстиции беспокоила возможная реакция мирового общественного мнения³⁰.

Анализ фотографий показывал, что ракеты строились с прицелом на крупнейшие американские города (впоследствии это подтвердили участники симпозиума 1989 г. в Москве). Если они будут запущены, убеждал Макнамара, 80 млн американцев погибнут в считанные минуты, нет достаточных аргументов, оправдывающих воздушную атаку Кубы. “Ракета есть ракета, — говорил он. — Не имеет значения, убьют вас ракетой, запущенной с территории Советского Союза или с Кубы”. Бомбардировка приведет к гибели находящихся на Кубе советских специалистов. Нет сомнения, что Москва “не замедлит дать решительный отпор. В этом случае США могут потерять контроль за положением, и тогда эскалация конфликта может привести к мировой войне”. Довод Макнамары, что никакая, даже самая тщательная, бомбардировка Кубы не может гарантировать уничтожение всех советских ракет, а те, что уцелеют, будут немедленно направлены на города США, был очевиден. Президент осознавал всю сложность ситуации.

После выступления генерала Лимея Кеннеди сказал о нем заместителю Макнамары Гилпатрику: “Это просто желчный человек. Он совершенно потерял контроль над собой”. Одному из своих ближайших советников, Кеннету О’Доннеллу президент заметил: “У этих штабистов есть одно, но большое преимущество: если мы поступим, как они хотят, никто из нас не останется в живых, чтобы объяснить им, что они были неправы”³¹.

В тот же день, 18 октября, Кеннеди принял в Белом доме А.А.Громыко, прибывшего в США для участия в сессии ООН. Видимо, он готовился к разговору о ракетах, положив в ящик стола снимки, сделанные самолетом У-2. Но разговора этого не состоялось. Громыко выразил беспокойство по поводу антикубинской кампании в конгрессе и печати и угрозы военного нападения на Кубу. На что Кеннеди заявил, что он не сторонник интервенции. “Я не знаю, куда все это может нас привести”, — сказал он³². На этом, однако, разговор и закончился. Когда на симпозиуме в Москве 1989 г. Громыко спросили, почему он не сообщил президенту, что СССР доставил на Кубу ракеты, он ответил: “А Кеннеди меня об этом не спрашивал”. Однако Громыко утверждал, что его беседа с президентом имела большое значение, наметив “вехи будущего соглашения”, но документально это утверждение не

³⁰ Кеннеди Р. Указ. соч. С.18–20; Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 508–511.

³¹ Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 511.

³² Кеннеди Р. Указ. соч. С. 22–24; Sorensen Th. Kennedy. P. 777–779.

подтверждается^{32а}. Скорее, наоборот, встреча Громыко и Кеннеди оказалась бесплодной: хотя в ходе беседы министр передал предложение провести советско-американскую встречу на высшем уровне для урегулирования спорных международных проблем, и президент отнесся к этому положительно, в тот же день вечером, во время обеда у государственного секретаря Раска, послу Добрынину сообщили, что президент хотел бы отложить такую встречу, ибо считает ее пока “бесполезной”.

В то время как Раск угощал в здании госдепартамента советского министра иностранных дел, этажом ниже на заседании Исполкома происходила острая дискуссия. В опубликованной в 1990 г. новой версии воспоминаний Хрущева, в результате расшифровки новых пленок, продиктованных им в свое время мемуаров, содержится довольно выразительное описание встречи Громыко с Раском, о которой министр иностранных дел рассказал затем, естественно, Хрущеву. Из этого описания следует, что государственный секретарь ясно дал понять, что США знают о доставленных на Кубу ракетах^{32б}. Громыко был поражен тем, что во время разговора Раск много пил: “Я никогда не видел его в таком состоянии. Он был сам не свой”. Редакторы американского издания мемуаров Хрущева, комментируя этот факт, процитировали в примечании слова биографа Раска Томаса Шоенбома о том, что, “хотя Раск иногда много пил, он всегда контролировал себя, часто пользуясь такими моментами для выяснения тупиковых ситуаций”. “Мы знаем все, — заявил Раск в лоб Громыко. — Вы привыкли жить в окружении наших ракет, а мы столкнулись с этим впервые. Вот почему мы испытали шок и не можем выйти из него”. После нескольких рюмок спиртного Раск продолжил: Мы пойдем здесь до конца. Передайте Хрущеву, что мы хотели бы избежать того, что может произойти, но случиться может все что угодно”. По словам Хрущева, Громыко вел себя как цыган, которого поймали с поличным при краже лошади: “Это — не я и не моя лошадь. Я ничего не знаю”. Хрущев, однако, счел такое поведение нормальным: “Это — обычная практика, используемая всеми правительствами, когда они хотят что-то скрыть”³³. Между тем заседания Исполкома продолжались и на них шли острые дебаты.

19 октября, когда Кеннеди вылетал в Чикаго для предвыборного выступления, даже военные были готовы согласиться с планом Макнамары при условии, что блокада будет первым шагом, за которым последует бомбардировка и вторжение на Кубу. Утром 20 октября Роберт сообщил Двону в Чикаго, что в принципе решение выработано. Кеннеди счел необходимым прервать предвыборное турне и вернуться в столицу³⁴.

На базе ВВС Сент Эндрюз прилетевшего из Чикаго Джона Кеннеди встречал брат, информацию и советы которого он высоко ценил. Именно Роберт, по мнению Макнамары, “много сделал, чтобы переубедить

^{32а} Из телеграммы от 20 октября 1962 г. о беседе А. А. Громыко с Дж. Кеннеди 18 октября 1962 г. // АВПРФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 21. П. 11а. Л. 64–80.

^{32б} Там же. Л. 81 и сл.

³³ Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / Transl. and Ed. by J.L.Schecter, V.V.Luchkov. Boston; Toronto; L., 1990. P. 174–175.

³⁴ Sorensen Th.Kennedy. P. 782; Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 508, 511.

президента” отказаться от плана воздушной бомбардировки. Перелом в позиции президента наступил после заседания 18 октября: видимо нажим военных возымел обратные последствия — Кеннеди стал склоняться к более осторожной линии. Окончательное решение он, по свидетельству Роберта, принял 20 октября, предложив в конце заседания Исполкома утвердить план морской блокады. Из 17 присутствовавших 11 высказались “за”, 6 — “против”. Сторонники воздушного налета не хотели сдаваться. На запрос президента, гарантирует ли массированная бомбардировка уничтожение всех находящихся на Кубе ракет и ядерного оружия, командование ВВС ответило, что гарантий быть не может. Это окончательно склонило чашу весов в пользу блокады. Чтобы смягчить впечатление, акцию эту назвали “карантином” — термином, заимствованным из заявления Ф.Д.Рузвельта периода второй мировой войны³⁵

Решение было принято, и президент готовился к выступлению на радио и телевидении. Несмотря на строжайшие меры, должностные помешать утечке информации, в журналистские круги просочились слухи, что правительство решает нечто чрезвычайное. “Нью-Йорк таймс” и “Вашингтон пост” сумели добыть довольно точную информацию. Джеймс Рестон знал почти все. Кеннеди лично просил его и обозревателей других газет повременить с информацией до 23 октября. 22-го вечером он планировал объявить нации о решении правительства.

За два дня до выступления президента вооруженные силы получили приказ о боевой готовности. В район Карибского моря были направлены 183 корабля. Бомбардировщики Б-52 с грузом атомных бомб на борту круглые сутки висели в воздухе. Если один самолет садился для заправки или смены экипажа, другой тут же взлетал и занимал его позицию. Половина стратегической авиации США находилась в состоянии готовности № 1. К высадке на Кубу были готовы 90 тыс. морских пехотинцев и парашютистов. Во втором эшелоне находился резерв из 250 тысяч человек.

22 октября вечером президент объявил о введении морской блокады, подвергнув резким нападкам Советский Союз и Кубу³⁶. В Вашингтоне с напряженным вниманием ожидали реакции СССР. На следующий день после выступления Кеннеди Советское правительство опубликовало ответное заявление, в котором обвинило США в “беспрецедентных, агрессивных действиях”, чреватых опасностью “мировой термоядерной войны”, “если агрессоры развяжут войну, говорилось в заявлении, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар”³⁷. По дипломатическим каналам было послано сообщение, что находящееся на Кубе оружие, к какому бы классу оно ни принадлежало, предназначено исключительно для целей обороны. Объявленный Кеннеди “карантин” отвергался как незаконная мера. Выражалась надежда, что Соединенные

³⁵ McGeorge Bundy. Op. cit. P. 402–403.

³⁶ Послание президента Кеннеди 22 октября 1962 г. // Department of State Bulletin. 1973. Nov. 19. P. 635–636.

³⁷ Заявление Советского правительства 23 октября 1962 г. // Известия. 1962. 24 окт.

Штаты проявят благоразумие³⁸. Однако в ответе американской стороны на советское послание, переданном 23 октября, констатировалось, что блокада вступила в силу, и вся вина за возникновение Кубинского кризиса возлагается на Советский Союз, доставивший на Кубу ракеты³⁹.

Американский историк Л. Фицсаймонс критиковала Кеннеди за неоправданно резкий тон, во время выступлений по радио и телевидению. По его мнению, создалось впечатление, будто “советские ракеты на Кубе представляют смертельную угрозу Соединенным Штатам”, что, с ее точки зрения, “привело к искажению фактов”⁴⁰. Это положение следует дополнить: выступление Кеннеди вполне согласовывалось с планомерно организованной в США на протяжении длительного периода враждебной кампанией против Кубы. Оно было построено и в духе выработанного при Кеннеди курса на ракетное вооружение, чтобы утвердить военное превосходство над СССР. Вместе с тем было бы неверным игнорировать тот факт, что поведение президента США испытало на себе влияние действий советского руководства. Во-первых, Кеннеди не мог забыть о той унижительной манере, в которой Хрущев вел с ним переговоры в Вене. Во-вторых, все попытки американской стороны установить доверительные отношения с советским руководством не дали результата, каналы частной связи использовались ни для того, чтобы ввести в заблуждение и выиграть время, хотя Хрущев в своих мемуарах и отрицает, что проводил политику обмана⁴¹.

Через день после публичного выступления президента Чарлз Бартлетт пригласил Г.Н. Большакова, чтобы показать ему снимки строящихся советских ракет на Кубе. Оказалось, что доверенный представитель Хрущева ничего об этом не знает. Ему показали планшеты с грифом высочайшей секретности “Только для глаз президента”, и чтобы убедить, что речь идет не о сооружении бейсбольных площадок, как предположил Большаков, продемонстрировали аналогичные планшеты со снимками стартовых площадок советских ракет в Египте⁴².

Очевидцы этой сцены отмечают, что Большаков не скрывал своего удивления. По свидетельству Чарлза Бартлетта, он сказал, что его “обманули”. Большаков повторил это в уже цитировавшихся воспоминаниях: “В очень неприятном положении очутились советские дипломаты — сотрудники посольства СССР в Вашингтоне, — пишет он. — Правду таили не только от “чужих”, но и от “своих”. Мы не знали, как обстоит дело на самом деле, и “нет”, которым мы отвечали на все “ракетные” вопросы, расценивалось как неискренность, заведомая ложь... Мне горько думать о том, что в этом вопросе меня считали лжецом и Роберт Кеннеди и другие люди, которые, как и я, прилагали много усилий, чтобы добиться сближения”⁴³. Не менее удивительно, что и посол А.Ф. Добрынин абсолютно

³⁸ Послание Н.С. Хрущева президенту Дж. Кеннеди 23 октября 1962 г. // Department of State Bulletin. 1973. Nov. 19. P. 636–637.

³⁹ Послание президента Кеннеди 23 октября 1962 г. // Ibid. P. 637.

⁴⁰ Fitzsimons L. The Kennedy Doctrine. N.Y., 1972. P. 149.

⁴¹ Khrushchev Remembers. The Glasnost Tapes. P. 171.

⁴² Большаков Г.Н. Указ. соч. // Новое время. № 6.

⁴³ Там же.

ни о чем не был информирован. Когда на симпозиуме в Москве в 1989 г. американцы спросили его, почему в ходе повседневных, весьма детальных переговоров он ни разу не обмолвился о советских ракетах, даже после телевизионного выступления Кеннеди, Добрынин ответил, что никакой информацией не располагал. “А разве я Вам не говорил об этом?” — спросил Громыко. “Нет, Вы мне об этом ничего не говорили”, — ответил Добрынин.

Правительство США обратилось в ООН с просьбой рассмотреть этот вопрос в Совете Безопасности. Одновременно с жалобой на действия США к Совету Безопасности обратились СССР и Куба. Кеннеди придавал большое значение тому, как пройдет обсуждение в ООН. Представитель США Э.Стивенсон успел записаться первым еще накануне выступления Кеннеди по радио и телевидению. Над текстом речи в ООН по просьбе президента работал Шлезингер. Дж.Кеннеди внес лишь некоторые коррективы в подготовленный им проект. Перед отъездом в Нью-Йорк на заседание Совета Безопасности Роберт сказал Шлезингеру: “Мы рассчитываем, что вы будете наблюдать за ходом дел в Нью-Йорке. Этот парень (Стивенсон. — А.Ф.) готов во всем уступить. Мы должны заключить сделку в конце, а пока — держаться твердо. Мы уступим в конце переговоров, а не в начале”. Поводом для этой тирады было выступление Стивенсона на заседании Исполкома 20 октября. Он предлагал дополнить объявление морской блокады немедленным заявлением, что США готовы вести переговоры с СССР, а затем сделать Советскому Союзу уступку, отказавшись от ракетных баз в Турции и от военной базы в Гуантанамо на Кубе⁴⁴

Ничего неожиданного в предложении Стивенсона не было. Еще за два дня до этого по указанию Кеннеди Соренсен составил проект обращения к главе советского правительства, в котором говорилось, что, как только с Кубы будут вывезены ракеты, президент США “будет рад встретиться с Вами... и обсудить другие стоящие в повестке дня проблемы, включая, если Вы захотите, базы НАТО в Турции и Италии”. Тогда же аналогичная идея была выдвинута Макнамарой. Он считал возможным и нужным уступить в вопросе о стратегических ракетах в Турции и Италии, а также в ограничении прав США на базу Гуантанамо. Согласно протокольной записи заседания Исполкома, Макнамара заявил: “Можно договориться о вывозе ракет... только в том случае, если мы готовы предложить что-то в обмен”. Стивенсон практически повторил то же самое. Но его выступление вызвало резкое недовольство. Отправляя на заседание Совета Безопасности Стивенсона, его решили “подстраховать” закаленным в батальях “холодной войны” Джоном Маккломом, которому вменялось во время заседания Совета Безопасности сидеть на всякий случай справа от Стивенсона⁴⁵

Однако все эти опасения оказались напрасными. Стивенсон следовал заранее отработанному сценарию. Перед многочисленными телекамерами, в переполненном дипломатами и корреспондентами зале,

⁴⁴ Schlesinger A.M., jr. A Thousand Days. P. 811; *Idem.* Robert Kennedy and His Times. P. 516.

⁴⁵ *Ibid.* P. 515.

Стивенсон обратился к В.Зорину, который председательствовал в тот месяц на заседаниях Совета Безопасности, с вопросом, есть ли на Кубе советские ракеты и бомбардировщики: “Да или нет? Не ждите перевода (с английского), скажите да или нет?” Зорин ответил: “Здесь не зал заседания американского суда. Вы получите ответ в положенное время”. Тогда Стивенсон дал знак и в зал внесли фотографии строившихся на Кубе ракетных установок и бомбардировщиков. “Какое было представителю СССР в ООН перед лицом всего мира в окружении фотографий наших стартовых площадок, — восклицает в воспоминаниях Большаков, — вынужденному юлить и выкручиваться, уходя от прямого ответа на вопрос о присутствии наших ракет на Кубе!”⁴⁶ Подобно Добрынину и Большакову, Зорин ничего не знал о том, что на Кубу доставлены советские ракеты.

Последовавшая 24 октября острая дискуссия показала, что Венесуэла и Чили, связанные принятым накануне решением Совета Организации американских государств, солидаризировались с американской позицией. Союзники США по НАТО Англия и Франция тоже поддерживали их, хотя и высказались за переговоры между заинтересованными сторонами. Представители Румынии, Ганы и Объединенной Арабской Республики осудили введение морской блокады. Как и выступивший представитель Ирландии, они призвали к мирному урегулированию. Исполнявший обязанности генерального секретаря ООН У Тан зачитал послание правительствам США и СССР с призывом сесть за стол переговоров. Это предложение поддержало 45 стран “третьего мира”, заявление которых было опубликовано сразу после заседания. Стивенсон не ответил, сославшись на отсутствие инструкций от президента Кеннеди. Советское правительство согласилось “воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и привести с собой риск войны”.

Тем не менее советские суда продолжали двигаться в направлении Кубы, и любое столкновение с силами американского “карантина” могло послужить поводом для военного конфликта. Кеннеди распорядился отодвинуть установленную им линию блокады с 1300 до 500 км от берегов Кубы. Но два десятка судов продолжали движение, и момент их встречи с американским морским кордоном приближался. Воздушная разведка регулярно докладывала о местонахождении советских судов, и президент знал, что их сопровождают шесть подводных лодок. 25 октября советский нефтеналивной танкер пересек линию кордона. Вопреки мнению некоторых советников и военных, президент распорядился его не трогать. Роберт Кеннеди вспоминал, что брат говорил: “Мы не хотим подталкивать его (Хрущева. — А.Ф.) к опрометчивым решениям, дадим ему время подумать. Я не хочу загонять его в угол, из которого не будет выхода”⁴⁷ В тот же день к линии кордона подошел пассажирский лайнер, на борту которого, по оценке воздушной разведки, находилось 1,5 тыс. человек. Кеннеди распорядился пропустить и это судно. Ранним утром 26 октября пропустили шведское судно с грузом картофеля из Ленинграда.

⁴⁶ Большаков Г.Н. Указ. соч. // Новое время. 1989. 3 февр. № 6.

⁴⁷ Кеннеди Р. Указ. соч. С. 88, 90.

13. Новый взгляд...

Но судно, принадлежавшее панамской компании, было остановлено и только после досмотра получило разрешение следовать дальше.

Накануне, 25 октября, У Тан вторично обратился к правительствам СССР и США с призывом урегулировать отношения мирным путем в соответствии с Уставом ООН. Он просил дать указание советским судам, уже находящимся в пути на Кубу, держаться в стороне от района перехвата, чтобы избежать столкновения с военно-морскими силами США. Советское руководство последовало этому призыву: днем 26 октября всем советским судам был отдан приказ повернуть назад.

Обратился У Тан и к Кеннеди с просьбой принять меры, чтобы предотвратить столкновение американского флота с советскими судами. Кеннеди отдал соответствующий приказ военно-морским силам, что вызвало недовольство военного командования. Оно хотело совсем другого — распространить зону действия американского флота за пределы блокады, в открытом море. У Тану Кеннеди ответил: “Я понимаю и разделяю ваши опасения относительно того, что необходимо проявить большую осторожность, пока не будут начаты переговоры”⁴⁸.

25 октября в Кремле Хрущев в беседе с американским бизнесменом Уильямом Ноксом признал, что на Кубе находятся советские ракеты среднего радиуса действия класса “земля-земля”, о чем было телеграфировано в Вашингтон; американские официальные лица расценили самый факт впервые прозвучавшего признания как некий сдвиг. Прежнее умолчание расценивалось однозначно — как сознательный обман и ложь. А это, отмечает Большаков, “очень легко вползло в умы простых американцев”, заставив их почувствовать зловещее дыхание войны и породив панические настроения, что советские ракеты возводятся, чтобы разрушить американские города⁴⁹. Люди начали покупать пакеты с питанием для бомбоубежищ — сухари, консервы, шоколад. 25 октября в полдень по радио был подан условный сигнал атомной тревоги, и хотя американцев предупредили, что тревога учебная, она подстегнула панику. Тревога охватила и правительственные верхи. На симпозиуме в Москве бывший министр обороны Макнамара и пресс-секретарь Белого дома П.Селинджер вспоминали, что, уезжая из дома на очередное заседание Исполкома, они не знали, увидят ли снова своих родных и что вообще станет со всеми. Военная опасность ощущалась как вполне реальная угроза.

26 октября вечером Кеннеди получил личное послание Хрущева. В нем впервые официально подтверждалось, что на Кубе размещены советские ракеты. Но Хрущев подчеркивал, что они никогда не будут использованы для нападения на США. “Вы можете быть спокойны... — писал он, — мы в твердом уме и понимаем, что, если мы нападём на вас, вы ответите таким же образом... Только лунатики и самоубийцы, которые вознамерились бы погубить и разрушить весь мир, перед тем как умереть самим, могут пойти на это”. Хрущев уверял, что единственным желанием советского правительства было защитить Кубу, напомнив Кеннеди, что во время их встречи в Вене президент признал что операция в заливе Кочинос была ошибкой. Хрущев писал, что ценит эту

⁴⁸ *Sorensen Th. Kennedy. P. 798–801.*

⁴⁹ *Большаков Г.Н. Указ. соч. // Новое время, № 6.*

откровенность, что и ему приходилось признавать "ошибки, которые были допущены в истории советского государства"⁵⁰ "Я не только признавал их, но и резко осуждал". Комментируя эту цитату из личного послания Хрущева, Роберт Кеннеди отмечал, что во время переговоров в Вене брат сказал Хрущеву, что тот "легко признавал и осуждал ошибки Сталина и других, но никогда не признавал никаких своих ошибок"⁵¹.

Хрущев предложил Кеннеди гарантировать безопасность Кубы и снять блокаду, после чего, писал он можно договориться о вывозе советского ракетного оружия.

Послание было подвергнуто тщательному анализу. Оно намечало какой-то выход из тупика в чем американское правительство убедилось в тот же день — после переданных ему полуофициально советником посольства СССР в Вашингтоне А.С.Фоминым (через обозревателя телекомпании Эй-би-си Джона Скали) условий урегулирования Кубинского кризиса. Фомин и Скали встретились в центре Вашингтона в ресторане "Оксидентал" Роберт Кеннеди позднее писал: "Почему они избрали такой способ связи, было неясно, но обычная процедура подобного рода не была такой уж необычной для Советского Союза"⁵². Слова эти, однако, не вполне понятны. У Роберта Кеннеди был свой, аналогичный канал связи — через Большакова. Контакт с Фоминым существовал параллельно. И брат президента об этом знал, о чем он рассказал два года спустя в телевизионном интервью. До сих пор в ресторане "Оксидентал", в последние годы радикально реконструированном, в специальной витрине выставлена медная мемориальная досочка, на которой выбиты следующие слова: "За этим столом во время напряженного периода Карибского кризиса (октябрь 1962 г.) загадочный русский мистер Икс предложил телекорреспонденту Эй-би-си Джону Скали вывести ракеты с Кубы. В результате этой встречи была предотвращена угроза возможной ядерной войны"⁵³. Встреча Фомина со Скали, ставшая легендарной и не раз описанная в американской литературе, лишь недавно приобрела право гражданства у нас. В январе 1989 г., много лет спустя, Фомин и Скали снова встретились — на симпозиуме в Москве.

Однако уже в ходе дискуссии выяснилось, что Фомин и Скали по-

⁵⁰ Послание Н.С.Хрущева 26 октября 1962 г. // The National Security Archive.

⁵¹ Кеннеди Р. Указ. соч. С. 59.

⁵² Там же. С. 61.

⁵³ Скали очень гордился результатом своей миссии. Несомненно, что мемориальная табличка была помещена по его инициативе, дабы запечатлеть таким образом его место в истории. Некоторое время спустя ресторан пошел на слом и на его месте должны были построить новое здание. Узнав об этом, Скали немедленно отправился к хозяину ресторана с просьбой отдать ему табличку. Он рассказал мне, что неожиданно получил решительный отказ. "Мы продадим ее вместе со стеной, на которой она висит" — заявил хозяин. "Сколько это может стоить" — спросил Скали. — "10 тысяч долларов" — услышал он в ответ. На следующий день Скали пришел туда с женой. "Видите, какая она симпатичная женщина, — сказал Скали, знакомя меня с супругой, — она знает, как уладить любое самое трудное дело" "Ну, и как?" — спросил я. "Он отдал ей табличку, и мы вынесли ее, спрятав под полой плаща". В 80-х годах, когда построили новое здание и вновь открылся ресторан "Оксидентал", Скали вернул табличку с условием, что она будет выставлена для обозрения в специальной витрине. Там она и находится по сей день.

разному интерпретируют свою роль в этих переговорах. Фомин утверждал, что по инициативе Скали они встречались еще четырьмя днями ранее, в полдень 22 октября, т.е. до телевизионного обращения Кеннеди к нации. Скали решительно опроверг это утверждение, заявив, что не желает вдаваться в полемику, так как Фомин все перепутал. На заданный ему мною (в перерыве между заседаниями) вопрос, состоялась ли вообще встреча 22 октября, Скали ответил: “Я ничего не мог делать в тот день, ибо на вечер было объявлено выступление президента, и я как корреспондент при Госдепартаменте готовился к выходу в эфир с комментарием”. В статье “Я был секретным посредником в период Кубинского кризиса”, опубликованной в октябре 1964 г., Скали рассказал лишь о встрече с Фоминым 26 октября. Он знал, что Фомин полковник советской разведки — и только, о том же знали американские спецслужбы. Подлинное имя Фомина ему было якобы неизвестно, поэтому он назвал его “мистером Х”. Он упомянул, что в течение предшествующих полутора лет они встречались 5–6 раз⁵⁴. Однако интерпретация Скали резко расходится с рассказом Фомина.

На симпозиуме Фомин выступил вторично, но неудачно: его речь была чересчур пространной и сбивчивой. Стремясь, однако, зафиксировать свою версию, Фомин обратился ко мне (после того как в журнале “Звезда” в сентябре 1989 г. была опубликована моя статья о Кубинском кризисе) с просьбой выслушать его рассказ о переговорах, в которых он принимал участие. “Я должен вам откровенно сказать,— писал он, — что до сих пор как в американской, так и в советской прессе не дана полностью правдивая история Карибского кризиса, поскольку в этом не были заинтересованы Громыко и Ко и клан Кеннеди”⁵⁵. По приглашению Фомина я навестил его в апреле 1990 г. дома и записал на магнитофон полный рассказ о событиях.

Фомин сообщил, что его настоящая фамилия Феклисов. Действительно под этим именем спустя полгода он опубликовал краткую заметку о своем участии в урегулировании Кубинского кризиса⁵⁶. Свидетельства Фомина далеко не во всем последовательны, но небезынтересны. Видимо, в чем-то ему отказала память — он уже немолодой человек, а что-то ему хотелось представить так, чтобы деятельность его ведомства (КГБ) выглядела наилучшим образом.

Итак, по словам Фомина, его встречи с Джоном Скали происходили более часто. Это был регулярный канал связи, при помощи которого Госдепартамент получал нужную информацию. Сам Скали отмечал, что Фомин никогда не бывал в Госдепартаменте, в то время как советская разведка обычно передавала через журналистов те или иные сведения правительству США, чтобы разъяснить свою позицию. В этом он и видел смысл своих контактов с советским резидентом⁵⁷.

“Мы встречались с ним приблизительно раз в месяц, — рассказывает

⁵⁴ Scali J. I Was the Secret Go-Between in the Cuban Crisis // Family Weekly. 1964. Oct. 25.

⁵⁵ Письмо Фомина от 25 января 1990 г.

⁵⁶ Феклисов А. С. Неизвестное о развязке Карибского кризиса // Военно-ист. жур. 1990. № 10. С. 32–38.

⁵⁷ Scali J. Op. cit.

Фомин. — Я почему с ним встречался?.. У него хороший английский язык, он в курсе американской политики. Кроме того, он очень близок к семье Кеннеди... родился в Бостоне, всех их знал с детства, купались вместе. Клан Кеннеди сказал ему, чтобы он освещал политику Госдепартамента. Куда бы ни ехал Раск, он — всегда вместе с ним". Первые сведения о совещаниях в Белом доме с участием военных, т.е. заседаниях Исполкома, советская резидентура получила от одного американского журналиста лишь в полдень 21 октября. После чего Фомин направил в Москву короткую телеграмму. Утром следующего дня он получил приказ "добыть информацию, о чем идет речь, какие вопросы обсуждаются, какие меры вырабатываются". Фомин и его заместитель А.Т.Киреев еще накануне простили корреспондентов ТАСС и "Известий" как можно скорее навести справки через их коллег американских журналистов⁵⁸.

Утром 22 октября на совещании узкого круга у посла резидент военной разведки сообщил, что располагает сведениями о том, что в вооруженных силах южных штатов объявлена высшая степень боевой готовности. 22 октября "все сотрудники резидентуры были, — по словам Фомина, — нацелены на добывание информации". Он настаивает, что именно в тот день Скали "неожиданно" пригласил его на ланч, он выглядел "возбужденным и озлобленным". "Без каких-либо увертюр" Скали стал обвинять Хрущева в "агрессивной, авантюристической политике". По поводу содержания этой беседы Фомин сказал, что она свелась лишь к "обсуждению общего положения", "общей политики в целом". На мой вопрос: "То есть, о ракетах он ничего не говорил?" Фомин ответил: "О ракетах говорили, но немного. Он говорил, я молчал, не признавал..." Что же он говорил? Оказывается обвинял СССР в том, что "угрожает США ракетным обстрелом с Кубы". Почему же Фомин молчал? Да, прежде всего потому, что 22 октября он еще не знал, что ракеты доставлены на Кубу. "Наша беседа была неспокойной, нервной, к тому же Скали торопился по своим делам", — вспоминает Фомин. Перед уходом Скали сказал, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к народу⁵⁹. Эта деталь как будто подтверждает версию Фомина и самый факт, что они встречались со Скали 22 октября.

Несмотря на решительное опровержение Скали, есть основание считать, что их встреча 22 октября могла состояться. В конце концов американский журналист, зная уже к тому времени, о чем будет говорить президент в своем обращении, мог ненадолго прервать подготовку своего комментария в надежде на то, что из беседы с Фоминым ему удастся почерпнуть важную информацию. Можно ли допустить такую возможность? Думается, да. Тогда это дополнительный аргумент в пользу того, что Фомин и Скали встречались 22 октября. Гораздо больше вопросов вызывает рассказ Фомина о встрече 26 октября, когда обсуждались пути урегулирования кризиса. Вопреки распрос-траненной в литературе и общепризнанной версии Фомин утверждает, что не советская, а американская сторона предложила условия соглашения.

⁵⁸ Феклисов А.С. Указ. соч. С. 35; Интервью с Фоминым-Феклисовым 8 апреля 1990 г.

⁵⁹ Там же.

По версии Скали, 26 октября Фомин пригласил его на ланч в ресторан "Оксидентал". После секундного колебания Скали устремился к месту встречи и застал Фомина уже сидящим за столиком для двоих. "Положение очень серьезно. Необходимо что-то предпринять", — начал Фомин. По свидетельству Скали, Фомин сформулировал четыре пункта возможного соглашения: 1. Россия демонтирует и вывозит с Кубы свои ракеты; 2. Это будет сделано под наблюдением ООН; 3. Россия обязуется никогда в будущем не устанавливать ракет на Кубе; 4. Соединенные Штаты в ответ дают гарантию, что они не будут вторгаться на Кубу. Оставив свой служебный и домашний телефоны, Фомин просил звонить ему в любое время дня и ночи⁶⁰.

Составив меморандум о содержании беседы, Скали передал его заместителю государственного секретаря Роджеру Хиллсмену; через которого он и ранее передавал наверх информацию о своих встречах с Фоминым. Оценив по достоинству предложения, Хиллсмен доложил о них Раску и организовал его встречу со Скали, которая в целях конспирации состоялась в служебном лифте госсекретаря. Раск заметил, что демарш Фомина — это первая попытка советской стороны прийти к соглашению и что ответить следует положительно. Тут же в лифте на листе, вырванном из обычного блокнота, он написал, что Скали должен ответить Фомину: "... правительство США видит реальные возможности и полагает, что представители двух правительств в Нью-Йорке могли бы вместе с У Таном и друг с другом выработать соглашение. По моему впечатлению сделать это надо очень срочно". "Есть не больше двух дней", — добавил он на словах⁶¹.

Ввиду исключительной важности полученных от Фомина предложений, о них немедленно доложили Кеннеди. Президент пригласил Скали. Выслушав его, Кеннеди согласился, что следует немедленно ответить Фомину в духе рекомендаций Раска. Президент лишь предупредил: "Не пользуйтесь моим именем. Это против правил... Скажите им, что Вы получили положительный ответ от самой высшей власти". По мнению Раска, подобная ссылка должна была убедить советскую сторону, что ее предложения приняты всерьез. Предложения были настолько важны, что и Раск, и Кеннеди посчитали, что они могут исходить только от самого Хрущева. Для того чтобы их тщательно изучить, была сформирована группа экспертов. Сопоставив их с поступившим несколько часов спустя посланием Хрущева Кеннеди, эксперты пришли к выводу, что они идентичны. Некоторые представители американской администрации даже предположили, что советское руководство решило заменить Большакова Фоминым, переключив на него линию "горячей связи" между Хрущевым и Кеннеди, в чем, правда, скоро им пришлось разувериться⁶².

Выполняя поручение госсекретаря и президента, Скали позвонил в тот же день Фомину. В 19.35 они встретились в расположенном недалеко от советского посольства кафе отеля "Статлер". Как и предполагал Раск,

⁶⁰ Scali J. Op. cit.

⁶¹ Hillsman R. Op. cit. P. 217–218.

⁶² Beschloss M. Op. cit. P. 521.

более всего Фомина интересовало на каком уровне санкционирована их договоренность. Скали удовлетворил его интерес: "Самой высшей властью". Большого ему говорить не поручали. Но Фомин потребовал объяснить, что означает "самая высшая власть". Скали не выдержал и, чеканя каждое слово, произнес: "Джон Фитцджеральд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки". Они расстались, договорившись встретиться снова в любой момент в случае необходимости⁶³.

В отчете об этой беседе Джон Скали умолчал о том, что советский резидент так допек его, что он вынужден был назвать имя президента США. Об этом же рассказал Фомин, и нет оснований ему не верить, хотя он утверждает, что фраза эта была произнесена в несколько ином контексте.

Повторю: версия Фомина радикально отличается от версии Скали, в его рассказе не все последовательно. Практически Фомин выдвигает диаметрально противоположную версию. Фомин не отрицает того, что встреча со Скали 26 октября состоялась по его инициативе. Но если верить ему, далее события развивались совсем по другому сценарию. Оказавшись за столом с Фоминым, Скали спросил его: "Ну, как самочувствие Хрущева?" "Мне это неизвестно. Я лично не знаком с ним. Да и находится он сейчас далеко от меня", — ответил Фомин. Затем Скали перешел в наступление, "рьяно стал обвинять Хрущева" в агрессивных действиях в отношении США. Фомин, по его словам, дал "решительный отпор". "Скали... молча посмотрел мне в глаза и спросил: "Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?" "Как ответная мера, это вполне возможно", — последовал ответ. Что же касается Кубы, то в случае американского вторжения на остров, Фомин, перефразируя Заявление советского правительства, повторил, что СССР нанесет ответный удар. Резюмируя свой рассказ, Фомин утверждает: "Никаких попыток сформулировать предложение о разрешении возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны". Согласно его версии, затем он отправился в посольство и сообщил А.Ф.Добрынину о встрече. После чего позвонил Скали, предложив встретиться вновь. Фомин настаивает на том, что не он, а Скали во время второй встречи предложил условия урегулирования кризиса, состоящие из уже названных четырех пунктов. "Я записал и прочитал Скали все, что тот мне сказал", — говорит Фомин. Именно в ходе этой встречи он якобы спросил, кто готов урегулировать кризис на данных условиях, и получил ответ — "самая высшая власть"⁶⁴.

После повторного свидания со Скали Фомин, по его словам, рассказал Добрынину о разговоре, предложив отправить телеграмму в Москву, которую тот должен был подписать. Фомин принес ему текст телеграммы, но оказалось, что "Добрынин 3 часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры". Это, по словам Фомина, задержало отправку телеграммы, которую нужно было

⁶³ Hillsman R. Op. cit. P. 219.

⁶⁴ Феклисов А.С. Указ. соч. С. 36–37; Интервью с А.С.Фоминым-Феклисовым 8 апреля 1990 г.

зашифровать, на 8–9 часов⁶⁵. На вопрос, заданный мною А.Ф.Добрынину, соответствует ли действительности рассказ Фомина, он ответил "нет". Аналогичный вопрос я задал бывшему советнику Кеннеди Т.Соренсену, который сказал, что версия Фомина будто проект соглашения был предложен американской стороной, абсурдна. Соренсен привел при этом следующие доводы: правительству США не было нужно обращаться к услугам Фомина, так как оно находилось в тесном постоянном контакте с послом Добрыниным; если бы "самая высшая власть" США захотела проявить инициативу и провести зондаж через канал частной связи, она обратилась бы не к Фомину, а к Большакову, с которым у представителей администрации Кеннеди были гораздо более доверительные отношения⁶⁶.

Какую бы версию мы не приняли, возникает вопрос: чьи инструкции выполнял Фомин, приглашая Скали на ланч в ресторан "Оксидентал", даже если он и не выдвигал предложений об урегулировании кризиса? Сам Фомин категорически отрицает, что он получил какие-либо инструкции от руководства КГБ или от кого-то еще. Он утверждает, что "никто" его "не уполномочивал проводить с Джоном Скали такую беседу и говорить о возможном захвате Западного Берлина как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу". "Это был сокровенный порыв моей души, возникший в ходе беседы", — рассказывает Фомин⁶⁷. С одной стороны, такое объяснение действий резидента разведки КГБ в условиях острейшего международного кризиса выглядит по крайней мере странным и уж во всяком случае ни в чем убедить не может. С другой стороны, трудно предположить, кто, если не "самая высшая власть" в СССР, могла ему это поручить. Однако ни малейшего признака того, что это было сделано, обнаружить не удалось. Возможно, кто-то из среднего звена руководства КГБ решил испробовать подобного рода зондаж. Такое предположение высказал в разговоре со мною А.Ф.Добрынин. В целом же рассказ Фомина о его встречах с Джоном Скали и выработанным в результате их бесед проекте урегулирования Кубинского кризиса трудно стыкуется с тем, что нам известно из литературы, хотя и в этом рассказе можно обнаружить некоторые важные подробности, дополняющие общую картину развития событий. Разумеется, нет необходимости говорить, что мирная инициатива, возникшая в результате свидания Фомина и Скали в ресторане "Оксидентал", имела историческое значение. Вместе с тем ее значение не следует преувеличивать, ибо в тот же день, 26 октября вечером, еще до того как в Москву поступила информация от Фомина, в Вашингтоне было получено послание от Хрущева.

Послание Хрущева 26 октября и сообщение того же дня Фомина стали шагом на пути урегулирования Кубинского кризиса, хотя это было лишь самое начало и оставалось еще много трудностей. Мир все еще находился перед реальной угрозой войны.

По приказу Кеннеди самолеты У-2 участвовали в съемке кубинской территории. Эти облеты показали, что строительство стартовых

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Интервью с Т.Соренсеном 28 марта 1991 г.

⁶⁷ Феклисов А.С. Указ. соч. С. 37.

комплексов ведется ускоренными темпами круглосуточно и через несколько дней ракеты будут готовы к запуску. Американские участники симпозиума 1989 г. в Москве задали генералу Д.А.Волкогонову вопрос, были ли эти ракеты снабжены ядерными боеголовками. Ответив утвердительно, он пояснил, что для присоединения ядерной головки к ракете требовалось 3 часа, а в условиях уже установленной боеголовки для приведения ее в боеготовность — 15 минут. Как следует из документов Генштаба Министерства обороны СССР, на Кубу было доставлено 42 ракеты среднего радиуса действия и ядерные боеголовки к ним, а так же более сотни других атомных зарядов для ракет и снарядов ближнего радиуса действия. Общая численность советских войск составляла 10 тыс. человек^{67а}.

"Мы подсчитали наши возможности, — вспоминал позднее Н.С.Хрущев, — и пришли к выводу, что сами сможем послать 42 ракеты оснащенные боеголовкой мощностью в одну мегатонну. Радиус действия большинства ракет составлял 2 тысячи километров, но 4 или 5 ракет были радусом в 4 тысячи километров"⁶⁸. Эти сведения, однако, оказались неполными. Через три года после симпозиума в Москве состоялась встреча участников Кубинского кризиса, в ходе которой генерал А.Грибков, впоследствии начальник штаба вооруженных сил Варшавского договора, а в 1962 г. командированный на Кубу, сообщил, что, кроме названных Хрущевым ракет среднего радиуса действия, на остров были доставлены 9 ядерных снарядов ближнего радиуса действия мощностью от 6 до 12 килотонн, немногим меньшей силы, чем атомные бомбы, взорванные США в Хиросиме и Нагасаки. Эти снаряды не могли достигнуть американской территории — их радиус действия был всего 150 км. Но в отличие от ракет, которые могли быть запущены только после согласия Москвы, использование снарядов ближнего действия возлагалось на усмотрение Советского командования на Кубе и имелось в виду, что они могут быть применены против американских войск в случае вторжения на Кубу. Это неминуемо привело бы к началу атомной войны. Макнамара заявил по этому поводу, что СССР и США "были значительно ближе к ядерному конфликту, чем это считалось ранее"⁶⁹. Хотя дальнбойность атомных снарядов была невелика, их применение вызвало бы немедленно ответные меры американской стороны, что повлекло бы за собой начало атомной войны между СССР и США.

Как отмечалось, американская разведка не знала тогда ни точного количества ракет, ни того, оснащены ли они ядерными боеголовками, ни какова численность находившегося на Кубе советского воинского контингента (он оценивался ЦРУ в 10 — 20 тыс. человек). Но самый факт форсированного строительства ракет нагнетал атмосферу беспокойства, усиливавшуюся для Кеннеди ходом предвыборной кампании и резкими нападками на него представителей республиканской партии.

Вообще промежуточные выборы в США непосредственно не влияют на судьбу президента. Но исход их не безразличен для него, ибо

^{67а} Красная Звезда. 1992. 6 нояб.

⁶⁸ Khrushchev Remembers. The Glasnost Tapes. P. 170.

⁶⁹ Washington Post. 1992. 14 Jan.

промежуточные выборы — это своеобразная репетиция следующей кампании, когда избирается президент. Они индикатор, позволяющий судить о политических настроениях в стране, важных для будущей президентской кампании. Значение промежуточных выборов определяется также составом избранных на них членов палаты представителей и сенаторов, от ориентации которых зависит, насколько дееспособным окажется президент, проводя мероприятия, требующие санкции законодательного органа власти.

Избирательная кампания 1962 г. имела непосредственное влияние на ход Кубинского кризиса. Кеннеди постоянно оглядывался на своих соперников-республиканцев, поносивших его за нерешительность. Сенаторы Кейпхарт и Китинг яростно на него нападали, Кеннеди видел за этим угрозу своему престижу. Рассматривая вместе с К.О.Доннелом фотографии кубинской территории, сделанные с самолета У-2, он заметил: "Считайте, что мы переизбрали Кейпхарта сенатором от штата Индиана, а Китинг, вероятно, будет следующим президентом США"⁷⁰. В самые напряженные дни кризиса заботы об исходе избирательной кампании тревожили Кеннеди, влияя на методы "кризисной" дипломатии на заключительной его стадии.

По поручению Кеннеди представитель госдепартамента заявил на пресс-конференции, что если сооружение ракетных установок на Кубе не прекратится, президент США "будет вправе" предпринять "дальнейшие" действия. Этому заявлению была придана широкая огласка, сопровождаемая угрозами в адрес Кубы и СССР. Средства массовой информации нагнетали атмосферу военного страха. Президент поддерживал жесткий курс, хотя многое делалось и помимо его воли. Во время одной из встреч его брата с А.Ф.Добрыниным, а они начиная с 23 октября проходили ежедневно поочередно то в здании министерства юстиции США, то на квартире посла, Роберт Кеннеди заявил, что президент не сможет долго "продержаться". В изданных позднее воспоминаниях "Тринадцать дней" Роберт признавал, что президент "наметил курс, привел события в движение, но контролировать их уже был не в состоянии"⁷¹.

Для участия в обсуждении кубинской ситуации в Совете Безопасности ООН в Нью-Йорк прибыли А.И.Микоян и заместитель министра иностранных дел В.В.Кузнецов. Но ни одна из предложенных в Совете Безопасности резолюций не могла быть принята, не будучи одобренной большинством, включая великие державы. Отрицательная или даже нейтральная позиция любого из постоянных членов Совета Безопасности означала "вето", чем обе стороны и воспользовались. Поэтому урегулировать кризис можно было только путем двухсторонних переговоров. В результате послания Хрущева 26 октября, и встреч Фомина—Скалы был сделан шаг, который содержал, по словам Роберта Кеннеди, "начало какого-то компромисса, какого-то соглашения"⁷².

Однако 27 октября обстановка вновь резко обострилась. Совершивший

⁷⁰ Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 517.

⁷¹ Кеннеди Р. Указ. соч. С. 46.

⁷² Там же. С. 61.

очередной полет над Кубой американский самолет У-2 был сбит ракетой "земля-воздух". В течение многих лет существовала версия, что американский самолет был сбит кубинскими противовоздушными силами, говорили даже, что сам Фидель Кастро нажал кнопку запуска зенитного снаряда. Действительно, кубинским ПВО был отдан приказ сбивать американские самолеты, нарушающие воздушное пространство Кубы. Но кубинская зенитная артиллерия не стреляла выше 10–12 тыс. метров. Участники симпозиума 1989 г. наконец с полной определенностью выяснили, что американский самолет был сбит советской ракетной частью по команде советского генерала. После того как У-2 появился на экране радиолокаторов, для принятия решения оставалось не более 2 минут. Естественно, что для связи с Москвой времени не оставалось. Было выпущено две ракеты. Первая же из них поразила цель. По словам Сергея Никитича Хрущева, отец был огорчен этим известием, так как уже наметилась возможность урегулирования кризиса. Советскому командованию на Кубе была послана шифровка, в которой говорилось, что оно "поспешило" — не следовало сбивать американский самолет.

На заседании Исполкома в Вашингтоне 27 октября известие о гибели У-2 вызвало бурную дискуссию. За несколько дней до этого Исполком уже вынес постановление: если собьют американский самолет, Кубу ждет "немедленное возмездие". Воинственно настроенные члены Исполкома требовали выполнения этого решения — воздушный налет в течение 24 часов. У большинства членов Исполкома, по словам Р. Кеннеди, было "почти единодушное мнение". Генералы не скрывали злорадства: ведь они с самого начала говорили, что блокада — это "слишком слабая мера". "Ощущение было таково, — вспоминал Р. Кеннеди, — что мы попали в петлю, которая все туже и туже затягивается вокруг шеи"⁷³. Окончательное слово оставалось за президентом. Он молча выслушал всех ораторов, а потом сообщил, что отменяет принятое ранее решение Исполкома о возмездии. "Я думаю не о первом шаге, а о том, что обе стороны стремительно приближаются к четвертому и пятому. Мы не сделаем шестого шага, потому что никого из присутствующих уже не будет в живых", — пояснил Кеннеди⁷⁴. Он сообщил командованию ВВС, что запрещает бомбардировку Кубы. Объединенный комитет начальников штабов был недоволен. Генералы по-прежнему рвались в бой, предложив наметить нападение на Кубу через 48 часов, в понедельник 29 октября. Авиация, военно-морские силы, десантные части — все находилось в состоянии полной боевой готовности. Ждали только приказа.

27 октября в Вашингтоне было получено новое послание советского правительства. В нем выдвигалось дополнительное требование — вывести американские ракеты из граничащей с СССР Турции⁷⁵. Первоначально вопрос об этом был поднят американской стороной по ее инициативе. Но теперь это требование как условие урегулирования Кубинского кризиса было признано неприемлемым. С этим не желали

⁷³ Там же. С. 60.

⁷⁴ Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times. P. 520.

⁷⁵ Послание Н.С. Хрущева Дж. Кеннеди 27 октября 1962 г. // Известия. 1962. 28 окт.

согласиться ни военные, ни дипломаты. Госдепартамент представил Исполкому проект ответа, в котором возможность соглашения о ракетах в Турции решительно отвергалась. Содержание и тон этого документа вызвали резкое несогласие Роберта Кеннеди. Он предложил ответить позитивно на послание от 26 октября, не касаясь вопроса об американских ракетах в Турции, т.е. так будто послания от 27 октября вообще не существовало. Сторонников твердой линии это не устраивало. Но президент поручил подготовить новый проект Роберту и Соренсену. Через 45 минут документ был готов и представлен Исполкому. Соединенные Штаты давали гарантии, что Куба не подвергнется вторжению при условии, если с острова будут вывезены "все наступательные виды вооружения" под наблюдением ООН. Президент одобрил проект и отправил его в Москву⁷⁶.

Вечером того же дня он поручил Роберту при встрече с советским послом А.Ф.Добрыниным обратить его внимание на опасную эскалацию конфликта. Этот разговор был крайне необходим, ибо, помимо событий, о которых уже шла речь, в тот же день произошел новый инцидент с американским самолетом У-2, который на этот раз нарушил воздушное пространство СССР в районе Чукотки и едва не был сбит советскими средствами ПВО. Кеннеди с тревогой встретил это сообщение, опасаясь как бы в Москве не сочли появление американского самолета над советской территорией признаком подготовки к нападению на СССР.

Беседа Роберта Кеннеди с советским послом приобретала в этих условиях характер чрезвычайной важности. Она происходила поздно вечером в здании министерства юстиции. Кеннеди вспоминал, что он заявил Добрынину: "Если вы не уберете ракеты с Кубы, мы уберем их сами"⁷⁷. Но в советских источниках, прежде всего в шифротелеграмме Добрынина об этой беседе, акцент делается на другом. Констатируя, что события приобретают крайне опасный оборот, Роберт Кеннеди просил передать Хрущеву, что президент подвергается сильному нажиму со стороны военных. Генералитет требует возмездия за сбитый над Кубой разведывательный самолет. Президент делает все возможное, чтобы избежать войны, но с каждым часом риск военного столкновения возрастает. Необходимо договориться как можно скорее, по возможности в ближайшие часы. Он даже назвал точный срок: в течение 24 часов, подчеркнув, что это "не ультиматум", а констатация создавшегося положения^{77а}. На вопрос о ракетных базах в Турции Р.Кеннеди ответил, что решение будет принято позже, дав понять, что этот пункт можно считать согласованным, хотя и отказался оформить договоренность письменно. "Вы имеете мое слово, и этого достаточно", — ответил Роберт Кеннеди, согласно сохранившемуся в его бумагах конспекту этого разговора. Провожая советского посла, он дал ему номер телефона в Белом доме, по которому просил звонить в любое время дня и ночи. Он сообщил, что почти постоянно находится вместе с президентом. "Время не ждет, — повторил он. —

⁷⁶ Кеннеди Р. Указ. соч. С. 68–69.

⁷⁷ Там же. С. 74.

^{77а} АВПРФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 21. П. 11а. Л. 166–171.

Мы не должны его упустить"⁷⁸. Вслед за тем Роберт позвонил Большакову и договорился с ним о встрече в автомашине возле дома советского дипломата. Он повторил ему то, что уже сказал Добрынину, и попросил срочно передать содержание разговора Хрущеву. Р.Кеннеди подчеркнул, вспоминает Большаков, что "президент, начавший блокаду, стал сейчас пленником своих же собственных действий" и ему почти невозможно будет "сдержать военных" в ближайшие сутки, если не поступит позитивного ответа из Москвы"⁷⁹

У читателя может возникнуть вопрос, почему я столь часто обращаюсь к свидетельствам Большакова, опубликованным лишь на нескольких страницах журнала "Новое время", а не цитирую, например, двухтомные воспоминания А.А.Громыко, который около полувека провел на дипломатической работе и посвятил в этих мемуарах специальный раздел Кубинскому кризису⁸⁰. Объяснение простое: и в воспоминаниях и в выступлениях на симпозиуме 1989 г. в Москве, в частности, в ответах на мои вопросы, бывший министр иностранных дел не столько сообщил, сколько умолчал. Его рассказ о беседе с президентом — набор общих мест, и в нем ни слова о том, как Громыко докладывал об этой встрече Хрущеву и как тот отнесся к его информации. Об этом стало известно лишь совсем недавно, после того как телеграмма-отчет Громыко о встрече с Кеннеди, отправленная в Москву, была рассекречена и стала доступна историкам^{80а}.

За время Кубинского кризиса президент Кеннеди пришел к пониманию возможных последствий страшной катастрофы в случае, если война начнется. В те дни он многое передумал, держался ровно, но бледное, осунувшееся лицо, воспаленные, усталые глаза свидетельствовали о тревожных размышлениях и бессонных ночах. Короткие промежутки между неотложными делами и заседаниями он проводил с семьей — женой и детьми. Кеннеди понял, что необходим компромисс, соглашение. Другой альтернативы нет.

Напряженные дискуссии о выходе из создавшегося положения велись в те дни и в Москве в Политбюро. В мемуарах Хрущев писал, что в стране царил покойствие: "Наш народ был полностью информирован об опасном положении, которое сложилось, хотя мы позаботились о том, чтобы не вызвать паники, информируя о событиях надлежащим образом"⁸¹. Но меньшей мере странно утверждать, что народ был полностью информирован, если даже многие из наших участников событий, не знали о том, что происходило в действительности. Конечно, Хрущев и члены советского руководства понимали, сколь опасным было положение и чем грозила конфронтация с США. Хрущев отмечает, что в течение 6–7 дней "опасность была особенно острой". "Мы пытались, — пишет он, — скрыть нашу тревогу, которая была очень сильной". Были

⁷⁸ Кеннеди Р. Указ. соч. С. 73–74; *Schlesinger A.M., jr. Robert Kennedy and His Times*. P. 522–523.

⁷⁹ Большаков Г.Н. Указ. соч. // Новое время. № 6.

⁸⁰ Громыко А.А. Памятное. М., 1988. Т. 1. С. 389–398.

^{80а} АВПРФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 21. П. 11а. Л. 64–80.

⁸¹ *Khrushchev Remembers* / Ed. by E.Crankshaw. P. 496.

опасения, что может начаться паника. С этой целью в разгар кризиса Хрущев предложил членам Политбюро ради демонстрации спокойствия посетить Большой театр. Переводчик и комментатор американского издания "Воспоминаний" Хрущева Э.Крэнкшоу резонно заметил, что когда "высшее руководство в Кремле с улыбкой на устах отправляется в Большой театр, это зачастую (хотя и не обязательно) означает, что происходит некий кризис". Так было, в частности, в день ареста Берии⁸².

Несомненно, что в дни Карибского кризиса Хрущев был охвачен тревогой. Он рассказывает, что одну из ночей провел не раздеваясь на диване в своем кабинете в Кремле. "Я был готов к тому, что тревожные сообщения могут поступить в любой момент, и хотел быть готовым к действию"⁸³. На симпозиуме 1989 г. в Москве А.А.Громыко утверждал, что советское руководство просчитало все возможные варианты развития событий и было абсолютно уверено в том, что войны не будет, хотя, как он добавил, определенный риск и существовал. Заявление это, однако, по меньшей мере бездоказательно, ибо угроза военной опасности была вполне реальной, о чем свидетельствуют и воспоминания Хрущева.

Надо отдать должное Хрущеву, он осознал остроту нависшей опасности и решительно выступил за переговоры и компромисс. "Я несу полную ответственность, — вспоминал он позднее, — за то, что президент и я вступили в прямой контакт на самом решающем и опасном этапе кризиса". В те дни регулярно подолгу заседало Политбюро. Приглашено было высшее военное руководство. Но переписку с президентом, всю инициативу переговоров Хрущев взял в свои руки. В Вашингтоне по этому поводу были высказаны даже некоторые опасения. При анализе послания 26 октября в Госдепартаменте пришли к выводу, что стиль напоминает манеру выступлений Хрущева, но усомнились, последуют ли остальные советские руководители, включая военных, намеченной линии. Действительно, свои послания Кеннеди Хрущев диктовал сам, не привлекая ни членов Политбюро ни военных. И на этот раз Хрущев действовал как единоличный правитель, добиваясь неуклонного проведения своей линии. Но в данном случае он стремился выйти из конфронтации, к ликвидации Кубинского кризиса⁸⁴.

Хрущев, как это следует из его воспоминаний, с пониманием отнесся к посланию, которое президент передал через своего брата, о том, что он не в состоянии сдерживать давление военных. В Москве было решено дать немедленно положительный ответ при условии гарантии ненападения на Кубу. Чтобы не опоздать, решили не отправлять послание по дипломатическим каналам, на что требовалось несколько часов, а передавать новое Заявление Советского правительства прямо по радио. В роли "курьера" оказался секретарь ЦК КПСС Л.Ф.Ильичев, которому ввиду важности ситуации Политбюро поручило доставить текст послания к пульта передачи. Как только это было сделано, диктор прервал текущую передачу и Заявление пошло в эфир. Таким образом,

⁸² Ibid. P. 497.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. P. 499–504.

практически подводилась черта под Кубинским кризисом, хотя для окончательного его урегулирования предстояло решить еще ряд вопросов. "Чтобы скорейшим образом избежать конфликта, который угрожает делу мира... — говорилось в Заявлении, — Советское правительство... отдало новый приказ демонтировать оружие, которое вы называете наступательным, погрузить его на суда и вернуть обратно в Советский Союз". Далее подчеркивалось, что делая это, СССР принимает во внимание данную США гарантию о ненападении на Кубу и будет оказывать ей помощь в случае любой агрессии⁸⁵.

Из рассказа Большакова явствует, что утром 28 октября его разбудил звонок Чарлза Бартлетта, который "взволнованным, радостным голосом сообщил", что Роберт Кеннеди уведомил его о том, что "Московское радио начало передавать открытым текстом Послание Советского правительства президенту Кеннеди о решении Карибского кризиса"⁸⁶.

Кеннеди немедленно выступил с коротким заявлением по телевидению. Он выразил удовлетворение позиций СССР, высказался в пользу дальнейшего развития советско-американского диалога в конструктивном духе. США обещали приложить усилия для решения "проблемы предотвращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности". Переговоры об окончательном урегулировании Карибского кризиса заняли еще около трех недель. 6 января 1992 г. по соглашению между Москвой и Вашингтоном был снят гриф секретности с личной переписки между Кеннеди и Хрущевым, посвященной этому вопросу. Из 12 впервые преданных гласности документов стали известны многие аспекты важных переговоров, в результате которых 20 ноября Кеннеди заявил о снятии карантина и отмене готовности номер один в вооруженных силах США. На следующий день Советское правительство тоже отменило состояние полной боевой готовности в ракетных войсках и стратегической авиации.

Послания Хрущева в этот период отмечены сдержанностью и уступчивостью, наполнены пространными рассуждениями и различными конкретными предложениями в целях урегулирования нерешенных проблем в советско-американских отношениях. Письма Кеннеди, как правило, более кратки, и тон более жесткий. В целом же эта переписка прокладывала своеобразный мост к качественно новым отношениям между СССР и США.

Более тридцати лет прошло со времени Кубинского кризиса. Но интерес к событиям тех дней не только не ослабел, а значительно возрос после того, как стали доступны материалы архивов. Далеко не все документы рассекречены как с нашей, так и с американской стороны. Однако и то, что стало известно открывает возможность глубже проанализировать и лучше понять драматические события Кубинского кризиса, мотивы и характер поведения политических лидеров СССР и США, действия различных лиц и групп в условиях, когда мир оказался буквально на грани катастрофы.

⁸⁵ Послание Н.С.Хрущева Дж.Кеннеди 28 октября 1962 г. // Известия. 1962. 30 окт.

⁸⁶ Большаков Г.Н. Указ. соч. // Новое время. № 6.